

**В СЕРИИ «МИР ЛОЗЫ И КАМНЯ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

НЕВЕСТА

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ИСКРЫ ГАСНУЩИХ ЖИЛ

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ДОМА

КОРОЛЕВСКИЕ КАМНИ

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Карина Демина

**МЕХАНИЧЕСКОЕ
СЕРДЦЕ
ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ**

ЧАСТЬ 1

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Д 30

Д30 Демина К. Механическое сердце. Чёрный принц. Часть 1 / К. Демина, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 594 с. — (Мир лозы и камня).

ISBN 978-5-521-90745-8

Близится прилив.

Материнская жила переполнилась пламенем. Отсчитывают секунды жизни бомбы, совокупный удар которых уничтожит город.

И тогда Стальной король спустит с привязи чуму, что затаилась на борту древнего «Странника». Новая война, способная уничтожить и псов, и людей, вот-вот разразится. Брокк, Кэри, Таннис и Кейрен — лишь пешки в игре двух королей, каждый из которых готов жертвовать фигуры ради победы. Но и пешка способна вести свою игру.

BIC FM
BISAC FIC009000

© Карина Демина, текст, 2022
© RUGRAM, оформление, 2023
ISBN 978-5-521-90745-8 © Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1

Год спустя.

В этом месте берег шел вверх, и земляная шкура сползала, обнажая темно-красную гранитную подложку. Камень, расписанный трещинами, выдавался вперед, нависая над самой водой, и дом гляделся естественным его продолжением. Древний, сложенный из гранитных глыбин, он разительно отличался от прочих домов и видом, и самой своей принадлежностью иному миру, в котором, казалось, все еще не знали о детях Камня и Железа.

Дом прятался за высокой оградой из кованого железа, чьи прутья давно и прочно облюбовал плющ. Укрытый от посторонних глаз за одичалым садом, лишенный колонн и портиков, снабженный свинцовыми трубами водостоков, дом был почти уродлив в своей простоте. Пара грубоватых эркеров и нелепый, местами обвалившийся фриз гляделись нелепо, а узкие редкие окна, прорывавшие стены его, казались излишеством. В окна эти

свет попадал лишь изредка, другое дело — сквозняки. И женщина в серой пуховой шали привычно куталась, пытаясь согреться.

Она зябла.

Осенью ли, когда черная речная гладь дрожала от ударов капель, а по каменным подоконникам растекались лужи. Весной ли, когда снег таял, и крыша привычно потрескивала под тяжестью его. Зимой, пожалуй, тоже, но зимы для женщины пролетали быстро — дни были одинаково черны и холодны.

И женщина пряталась от них в собственной спальне.

Там, среди потемневшего белья, иссохших роз, выбрасывать которые она запрещала, и оплывших свечей, женщина чувствовала себя в безопасности. Ее фантазии оживали, а жизнь обретала краски, пусть бы ее и существовали они лишь в ее воображении.

Женщину считали сумасшедшей, и пожалуй, она соглашалась, что у тех, кто жил в ее доме, имелись для того все основания. Однако безумие защищало ее.

Кто знает, что бы сделали с ней в ином случае?

Она улыбнулась и провела сухими пальцами по свинцовому переплету.

...тот, кто притворялся ее сыном, предлагал заменить окна. Она отказалась.

Мальчик не понимал, что место это должно оставаться прежним.

И место, и сама Ульне.

В темном толстом стекле отражалась она, тонкая хрупкая, как одна из ее драгоценных роз. Черты ее лица, некогда мягкие, с возрастом заострились, кожа утратила белизну, обрела оттенок старого пергамента. Платье, сшитое по моде начала века, стало слишком велико, и сколь бы туго горничная ни затягивала шнуровку на корсаже, платье все одно висело.

...тот, кто притворялся ее сыном, покупал ей другие наряды и, принося, раскладывал на кровати, брал ее за руку, уговаривая примерить. Иногда, под настроение, она шла ему навстречу, но роскошные ткани оставляли ее равнодушной. Более того, в принесенных им платьях Ульне ощущала себя странно-беззащитной.

...тот, кто притворялся ее сыном, делал вид, что не замечает, как платья исчезают в сундуках. И приносил новые, тщетно пытаясь угодить.

Порой женщине было жаль его. И она старательно улыбалась, заставляя себя оживать.

Спускалась к завтраку.

И набрасывала на плечи подаренный им меховой палантин. Ей казалось, что ему будет приятно.

Она поддерживала беседу. Читала ему стихи, а он слушал, забывая о своих важных делах и... его внимание льстило. Ульне начинала думать, что, быть может, не так и плохо, что в доме поселился именно он.

Освальд считал стихи пустой тратой времени.

...а ее называл глупой старухой, хотя тогда она не была столь уж стара.

Странные мысли. Осенние.

— Ульне, отойди от окна, — сварливо сказала вторая женщина, которая благоразумно держалась камина.

— Я смотрю.

— Ты всегда смотришь, — с неодобрением произнесла женщина, вытаскивая из рукава овсяное печенье. Она была крупнотела, полна той уютной полнотой, которая не вызывает мыслей об излишествах. — Но ничего не видишь. Даже того, что у тебя под носом творится. А я говорю, что это добром не закончится. Ты должна выставить их из дома...

Этот разговор Марта заводила не раз и не два, пожалуй, она уже сама не верила в свои слова.

Выставить?

Как?

Марта ведь не глупа, пусть и пытается таковой казаться. Она сильно пудрит лицо, и носит шиньон, скрывая, что волосы ее поредели. Марта, в отличие от Ульне, не стесняется его подарков, а он, тот, кто притворяется сыном, щедр. В этом видится попытка откупиться, и Марта принимает выкуп.

Пускай.

Марте по вкусу розовые, щедро расшитые бисером и серебряной нитью, платья. Она вычитала, что розовый освежает цвет лица, а Марта, конечно, не старуха, но и не столь безразлична к своей внешности, как ее подруга... а ведь и вправ-

ду подруга, единственный человек, который знает Ульне едва ли не лучше самой Ульне.

И зачем она притворяется?

Ульне со вздохом отступила и спрятала озябшие руки в складках шали... откуда она взялась? Из сундука. В сундуках ее дома хранятся самые разные вещи. Вчера вот она нашла фарфоровую куклу с истершимся лицом. И медведя, набитого гречневой лузгой. В медвежьей шкуре моль проела дыру, и лузга высыпалась. Это обстоятельство привело Ульне в печаль, и она расплакалась, прямо там, в коридоре, который казался пустым. Но тот, кто притворялся сыном, услышал.

И вышел.

Присел рядом.

Забрал медведя, пообещав:

— Я почию его.

А Ульне хотела сказать, что не стоит. Кому нужны старые игрушки?

— Не плачь, — он опустил на колени и прижал ее ладони к горячим своим щекам. — Не плачь, мама, пожалуйста.

Он сидел долго, пока слезы не закончились. А после поднялся и поднял ее.

— Я принесу тебе розы.

— Белые?

— Белые.

...букет стоял в ее комнате, и розы, лишенные воды, тихо таяли. Скоро жизнь из них уйдет, и тогда она осторожно, опасаясь пораниться о сухие шипы, снимет венчики цветов.

Иллюзию безумия следовало поддерживать.

И часть лепестков она бросит на туалетный столик. Быть может, поддавшись желанию, смахнет паутину, скользнет пальцами по пыльной поверхности и отвернется, чтобы не встречаться взглядом со своим отражением. Она сядет в кресло у погасшего камина и будет смотреть в черное жерло, на закопченную решетку, на белый шлейф фаты, забытой каминной полке.

На комплект из сапфиров и топазов...

...его принес тот, кто притворялся сыном Ульне. И встав на колени, сказал:

— Прости меня, пожалуйста.

А Ульне коснулась жестких ее волос...

— Ты не Освальд.

...он уже две недели как ушел из дому, забрав с собой не только комплект. Он сказал, что устал от нищеты и долга, который на него навесили. Что задыхается в этом доме и не собирается позволять старухам лишать себя радостей жизни...

...Тедди пообещал присмотреть. Не стоило верить его словам.

...дурная кровь.

И тот день Ульне провела *внизу*. И следующий тоже, и еще много дней, пока не появился Тедди и с ним тот, кто притворился ее сыном.

— Я не Освальд, — он смотрел снизу вверх, и в светлых его глазах Ульне видела жалость. — Но я стану им. Я постараюсь.

Тогда еще Ульне могла бы выставить его.

...ушел бы...